

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ И ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ ШАЙХИ АРСАНУКАЕВА

Хазуева Барият Абусупьяновна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный педагогический университет»
baretk@mail.ru

THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF LOVE AND TIME IN SHAYKHI ARSANUKAYEV'S LYRICS

B. Hazuyeva

Summary. In the article the specifics of philosophical concepts of love and time in the poetry of the famous Chechen poet S. A. Arsanukayev is studied. The love perspective for the poet has his own comprehensively developed dramatic art, with certain lyrical subject-matters and plots, conflicts and collisions, characters, a peculiar intrigue ...

The subject of time develops in the symbolical images marking the passing time and creating the coloration consisting of the tropes connected with various options and forms of comprehension, physical and artistic measurements of time: moments, minutes, hours, days, days; morning, day, evening; time of human life, historical era, eternity ...

The article sets the purpose of studying of the main modifications of the artistic solutions by the poet of the interaction problems of the identity.

The plurality of time forms in Sh. A. Arsanukayev's understanding through integration, first of all, through images of loneliness, quarrel, separation and misunderstanding is characterized. The conclusion about importance and need of artistic understanding of definitions of love and time in the author's literary and esthetic concept and for the artistic world of his creativity in general is drawn.

Keywords: high heat poetry, a lyrical hero, national esthetics, intimate lyrics, the conflict of emotional and rational outsets, attitude.

Аннотация. В статье исследуется специфика философской концепции любви и времени в поэзии известного чеченского поэта Ш. А. Арсанукаева. Любовная проблематика у поэта имеет свою собственную всесторонне разработанную драматургию, с определенными лирическими сюжетами и фабулами, конфликтами и коллизиями, характерами, своеобразной интригой. ...

Тема *времени* развивается в символических образах, маркирующих уходящее время и создающих колорит, состоящий из тропов, связанных с различными вариантами и формами постижения, физического и художественного измерения времени: мгновения, минуты, часы, дни, сутки; утро, день, вечер; время человеческой жизни, историческая эпоха, вечность... Ставится цель изучения основных модификаций художественного решения поэтом проблем взаимодействия личности.

Характеризуется множественность ипостасей времени в понимании Ш. А. Арсанукаева через интеграцию, прежде всего, с образами одиночества, размолвки, разлуки и непонимания. Делается вывод о важности и необходимости художественного осмысления дефиниций *любви и времени* для авторской литературно-эстетической концепции и художественного мира его творчества в целом.

Ключевые слова: поэзия высокого накала, лирический герой, народная эстетика, интимная лирика, конфликт эмоционального и рационального начал, мироощущение.

В лирике Шайхи Арсанукаева на первом месте стоит проблема человеческой личности, индивидуальности, их эмоциональных состояний и межличностных отношений. Чаще всего данная проблематика в его поэзии многопланово и разнообразно преломляется через тему большого и малого *времени*, которое выступает у поэта всегда по-разному, в разных контекстах и ипостасях.

В лирике поэта мы видим самые различные варианты и формы постижения, физического и художественного измерения времени: мгновения, минуты, часы, дни, сутки; утро, день, вечер; время человеческой жизни, историческая эпоха, вечность...

Интересно, что именно в этом контексте в поэзии Шайхи Арсанукаева занимает определенно значимое

место и тема любви — то, что называется интимной лирикой, очень тесно связанная также и с философским преломлением мотивов и образов в человеческих судьбах.

Традиция интимной лирики не принадлежит к числу наиболее разработанных в чеченской поэзии, как народной, так и профессиональной, в силу некоторых особенностей национального менталитета и этикета, заключающихся в сдержанности, скромности и строгости в выражении чувств. «Тонкие наблюдения над гендерной спецификой чеченской народной лирики, влиявшей и на профессиональную чеченскую поэзию, отмечены в работе М. М. Ахмадова «Философия и эстетика М. Мамакаева» [4, с. 382–383]. Как отмечает М. М. Ахмадов, «в чеченских девичьих любовных песнях... нет каких-либо ограничений, девушкам-горянкам народная

эстетика разрешала прилюдно высказывать свои сокровенные чувства», в то время как мужчинам приходилось «довольствоваться общеизвестной лексикой, говорить о своих сокровенных мыслях (особенно связанных с любовными переживаниями) только намёками, инсказаниями...» [5, с. 16]. Лирические герои чеченских поэтов старшего поколения М. Мамакаева, А. Мамакаева, Н. Музаева и др., «обладающие высоким чувством такта, не могли лицом к лицу, глядя прямо в глаза, говорить о своих сокровенных чувствах с возлюбленными, потому они... часто изливали их роднику — свидетелю их волнительных встреч» [4, с. 383]. По верному замечанию М. М. Ахмадова, «ограничения чеченской эстетики, связанные с любовными переживаниями, в своих стихах легко «преодолели» поэты новой волны, так называемые «шестидесятники» (М. Сулаев, А. Сулейманов, М. Дикаев, С. Гацаев и др.), пришедшие в чеченскую литературу после Магомета Мамакаева. Надо отметить, что вслед за ними чеченские поэтессы — Раисы Ахматова («Откровение», 1979; «Откровение», 1981), Баны Гайтукаевой «Поэзия света», 2003), Лулы Жумалаевой («Гнездо на ветру», 2010) расширило тематический и мотивный диапазон лирики в пользу усиления искренности и углубления именно поэзии индивидуального чувства — по преимуществу чувства любви. Это чувство в лирике, как и в реальной жизни, включает в себя множество дополнительных переходных эмоционально-психологических состояний, зачастую образующих и бинарные оппозиции, такие, как: радость и печаль; веселье и боль, тревога, волнение, переживание и огорчение; встреча и разлука; благодарность и обида; доверие и непонимание; ожидание и вознаграждение; светлое и мрачное; жизнеутверждающее и трагедийное; оптимистическое и пессимистическое...

Тема любви глубоко вписана у Шайхи Арсанукаева в общеполитический, общебытийный контекст, что очень чётко и убедительно, метафорично и гиперболизированно провозглашено им самим в стихотворении «О вечном».

*Говорят: ничто не вечно,
Время горы разрушает,
Вечность море иссушает,
Жизнь людская быстротечна.*

[1, с. 8].

Шайхи Арсанукаев намечает здесь основные базовые в его представлении категории и понятия человеческого существования, бытия, точнее, взаимосуществования человека и окружающего его мира, реального и аллегорического космоса, по-особому сориентированные во времени и в пространстве. Любовная проблематика у поэта имеет свою собственную всесторонне разработанную драматургию, с определенным лирическим сю-

жетом и фабулой, конфликтами и коллизиями, характерами, своеобразной интригой...

*Ах, природа! Мудрый знахарь —
Смерть она рожденьем лечит,
Каждый подвиг мысли вечен,
Вечен Труд и вечен Пахарь.*

[1, с. 8].

Здесь варьируется зафиксированная в фольклорных мифах и священных текстах разных конфессий глубоко философская мысль о природе как о вечно возрождающемся и возобновляемом даре Вселенной, в контекст которой органично входит уже антропологическая, человеческая парадигма, конкретизированная в теме мудрого *целительства*, созидающего *Труда* и в образе *Пахаря*. И уже на этом фоне у Шайхи Арсанукаева создается тема высшего творческого, духовного, этического и эстетического проявления человеческой сущности, объединенная темой любви и поэзии, которые и обладают способностью к бессмертию:

*И Любовь, и Песня — вечны.
Человек несёт бессмертно
Всё, что истинно бессмертно,
Что вовеки человечно!*

[1, с. 8].

В данном стихотворении звучат высокие сентенции, выраженные в афористической форме. Его патетический настрой создаётся путём использования риторических обращений, лексических повторов, восклицательных предложений.

Совершенно противоположным по смысловому наполнению и стилистическому, образному воплощению выглядит другое, глубоко элегическое стихотворение Шайхи Арсанукаева, обладающее некоторой недоговоренностью, интригой, и в то же время разрешающейся неожиданно светлым и легким финалом:

*В сыром саду осеннем — тишина,
Деревья — словно чёрные скелеты.
Нас двое.
Я — один.
И ты — одна.
И мы невольно думаем про это.*

[1, с. 22].

Мотивы одиночества и тревоги высоко художественно, очень зримо и ощутимо реализуются здесь автором через метафорические зрительные («Деревья — словно чёрные скелеты»), слуховые («тишина»), осязательные («В сыром саду осеннем...») образы.

*Мы думаем,
Но каждый — о себе.
Сердца стучат
Задумчиво и редко.*

[1, с. 22].

У читателя здесь возникает естественное ощущение тонко переданного горького «одиночества вдвоем», когда двое близких людей вдруг перестают друг друга понимать, когда их внешнее единство уже остается лишь внешним. Но здесь у Шайхи Арсанукаева внезапно лирический герой раскрывает инкогнито своего «визави». Им оказывается не женщина, а светлое существо из мира природы, образ которого, идущий в унисон с психологическим состоянием автора, смягчает и наполняет теплом элегическое настроение автора, заставляющее вспомнить пушкинское «мне грустно и легко, печаль моя светла»:

*И каждый плачет
О своей судьбе.
Я — на скамье,
А воробей — на ветке!*

[1, с. 22].

Ярко выраженной философской проблематикой отличается и стихотворение Шайхи Арсанукаева «Прошлое действительно в жизненной драме». В нём присутствует та идея большого Времени в контексте историзма и диалектического единства человеческого бытия, непрерывной преемственности разных периодов его существования и развития, неоднократно сформулированная мыслителями и поэтами прежних эпох.

Здесь образно выражены мысли о бренности и быстротечности бытия, образующего некую «реку времен», вызывающие ассоциации также с идеями одноименного стихотворения Г.Р. Державина, созданного за считанные дни до его смерти, фактически ставшее его завещанием:

*«Река времён в своём стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей».
(Г.Р. Державин, <6 июля 1816>)
У Шайхи Арсанукаева читаем следующее:
Пусть то, что было,
Как будто мимо,
Будто бы тщетно куда-то несло, —
Прошлое неистребимо,
Хранимо
Всем, что теперь из него разрослось.*

[3, с. 9–10].

И вновь у Шайхи Арсанукаева воплощается идея вечного движения, которая реализуется автором посред-

ством глаголов движения, сравнений с неуловимостью и быстротечностью дыма и сна и, одновременно, таких констант, как «наша почва, любовь, постоянство»:

*Прошлое не улетает в пространство,
Будто бы дым или сон, но — живёт,
В нём наша почва, любовь, постоянство,
И без него мы — ни шагу вперёд...*

[3, с. 10].

Прошлое для поэта-философа Шайхи Арсанукаева — это многоуровневое, противоречивое, взыскательное, трудное и выстраданное явление, залог справедливости и объективности, критерий истины, вечности и красоты:

*Прошлое может быть строгим судьёю,
Ношей, обузою, но и — звездой,
Силою, поводырём и землёю
В наших грядущих сраженьях с бедой.*

[3, с. 10].

Именно прошлое, его уроки, позволяют поэту Шайхи Арсанукаеву осмыслить судьбы своего народа и конкретного человека, увидеть великие озарения. Подобные стихотворные строки звучат как лирический комментарий поэта к его эпическим произведениям на историческую тему — «Меч Тимура», «Ханкала».

Иные и новые вариации темы прошлого, увиденные через призму индивидуального человеческого чувства, сложных взаимоотношений близких и одновременно далеких людей, раскрываются в стихотворении Шайхи Арсанукаева «Встреча», относящемся к интимной лирике. В нём всесторонне и откровенно, исповедально переданы все переходы и состояния человеческой души, её эмоционального мира через мучительные трансформации — от драматизма состояния долгой размолвки, разлуки и непонимания — до светлого сознания нераздельности и счастья бытия через употребление соответствующих стилистических и синтаксических конструкций — анафор, восклицательных предложений, прямой речи, разного рода отрицаний и противопоставлений:

*И ждать не ждал,
И думать позабыл...*

[1, с. 22].

Глаголы с ярко выраженной отрицательной коннотацией изначально придают этому стихотворению Шайхи Арсанукаева внешне всё более негативную семантическую окраску. Одновременно лирический герой очень смущён. Он как бы оправдывается по поводу того, что все его титанические усилия забыть то, для него дороже всего на свете, не увенчались успехом.

*А повстречал — и весь мой труд напрасен.
Но я ж простил,
Отрекся,
Позабыл!
Я сжёг мосты и память обезгласил.*

[1, с. 22].

В строках этого стихотворения Шайхи Арсанукаева имеет место глубоко скрытая самоирония. Признания лирического героя приобретают, казалось бы, все большую бескомпромиссность, категоричность, обличительность, императивность в борьбе с объектом своих тревог и волнений и с собственными эмоциями. Лирический герой борется со своей мнимой слабостью, но на самом деле в этом стихотворении утверждается сила и непобедимость человеческих чувств и отношений, их всепобеждающее начало.

*Я приказал рассудку: «Замолчи!
Она мертва, ушла бесплотной тенью».*

[1, с. 23].

Метафорическое обращение к собственному рассудку, его критичность и самокритичность демонстрирует извечный конфликт в душе лирического героя между чувством и разумом, любовью и силой воли, конфликт эмоционального и рационального начал.

*Перетерпи.
Не мне тебя учить.
Нерадостному мужеству забвенья.*

Герою лирики Шайхи Арсанукаева удаётся преодолеть свою мнимую твёрдость и гордыню, которая, как он все больше начинает понимать, является проявлением не силы его, а слабости. Поэт убедительно демонстрирует силу и полноту именно душевных качеств и сторон человеческого естества, силу возрождения чувств, силу прощения, великодушия, преодоления своих и чужих ошибок, преодоления отчуждения и непонимания, антагонизма, показывая всю несостоятельность расхожих рационалистических приличий, догм и суждений:

*Но вот стою — и горькие года
Не властны над восторженностью прежней.*

[1, с. 23].

Именно способность быть объективным приводит лирического героя Шайхи Арсанукаева к освобождению от злопамятства, от упорства в своём необоснованном отчуждении и мстительности. Он оказывается в силах и в состоянии признать «правоту» юношеской восторженности, истинную высоту и морально-психологическую победу любимой женщины над его суетливостью, мелочностью и, скорее всего, мнительностью и подозрительностью:

*А ты —
Несуетлива и горда,
И смотришь
Веселей и безмятежней.*

[1, с. 23].

Здесь звучит искреннее восхищение лирического героя женской мудростью и спокойствием, благородством и жизнелюбием, которые вызывают в сердце героя ответные чувства глубоко философской оценки сложившейся ситуации:

*Будь счастлива:
Моя печаль не в счет.
Нас время полюбовно рассудило.
Пускай оно.
По-старому течет:
Ты — в сердце,
Ты вовек не уходила.*

[1, с. 23–24].

Последняя строфа этого стихотворения Шайхи Арсанукаева является высоко оптимистическим завершающим аккордом. Здесь вновь наблюдаются интертекстуальные переключки с великими предшественниками, а именно, с А. С. Пушкиным:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

1829

У Шайхи Арсанукаева, как и у А. С. Пушкина, в этом стихотворении отчетливо звучит тема, мотив *времени*, которое помогает многое в разных сферах жизни осмыслить и пересмотреть, на многое открыть глаза, прозреть, многое ставит на свои места.

Тема *времени* развивается в других ракурсах и аспектах также и в стихотворении Шайхи Арсанукаева «Время не ждёт». Оно начинается с нескольких символических образов, маркирующих уходящее время и создающих колорит, состоящий из тропов, связанных с семантикой осени через образы-сравнения и метафоры. Главные среди них — цветовой зрительный образ, связанный с брэнностью и тлением — пожухлая медь и образ листов отрывного календаря, уподобляемого неотвратимо опадающей осенней листве:

*Как пожухлая медь,
Осыпаются дни нашей жизни —
Отрывной календарь.
Невезений и редких удач.*

[2, с. 149].

Оригинален зрительный образ и метафора пожухлой меди, своеобразный оксюморон, в котором сочетается несочетаемое — образ-символ меди — осязаемой, имеющей прочность и весомость материи-металла и одновременно эпитет «пожухлая», закономерно относящийся к чему-то живому, хрупкому, подверженному увяданию и тлению, чаще всего имеющему растительное происхождение.

Семантика осени и тления в стихотворении Шайхи Арсанукаева невольно вызывает ассоциации с неизбежными неотвратимыми потерями, где каждый улетающий в небытие календарный листок (прожитый день) — это безвозвратно и неотвратимо уходящий день, потеря которого вновь вызывает элегическое настроение:

*Вот уходит один –
Ты лицо заслони в укоризне,
Отлетает другой –
Ты его, словно друга, оплачь.*

[2, с. 154].

Это настроение подкрепляется у Шайхи Арсанукаева столь же соответствующей элегической лексикой и фразеологией — «уходит один», «заслони в укоризне», «словно друга, оплачь». Вслед за этим здесь наблюдается контраст, антитеза по отношению к негативизму эмоций, связанных с неотвратимостью потери и ухода каждого жизненного эпизода в прошлое. В анализируемом стихотворении быстротекущая и непрестанно изменчивая функция *времени* уподобляется уходящему закату, теряющему огни. В данном элегическом произведении сфокусировано несколько временных планов – от времени настоящего, синхронного с временем его написания, до прошедшего, ретроспективного, и перспективного, связанного с будущим временем. Этот диалог времён придает особую тонкую и зыбкую динамичность лирическому хронотопу произведения.

Кроме того, следует заметить, что во многих морально-этических системах высоко оценивается сама по себе категория страдания, способность человека достойно переносить переживания и лишения, в результате чего формируется, выстраивается и шлифуется человеческая душа:

*И, хоть до слез.
Упущенного жаль,
Не мне винить
В утраченном кого-то.
И самому себе читать мораль.*

[2, с. 152].

В этом стихотворении, как и в других стихах Шайхи Арсанукаева, нигде нет упрощения и облегчения слож-

ной психологической ситуации межличностных отношений, нет ни тени упрека, досады, тем более осуждения или обвинения, но есть сдержанность и благородство, ненавязчивость настоящего мужчины при подчеркнутой скромности и непритязательности его внешнего поведения:

*Но кто, о чем,
А я опять про то же –
Опять судьбу
Листаю наизусть.*

[2, с. 152–153].

Здесь за внешней непритязательностью — подлинная бытийная глубина в образе-символе наизусть перелистываемой судьбы, которая вновь сменяется подчеркнутой будничностью и, казалось бы, обыденностью произносимых слов, составляющих неполные синтаксические конструкции, характерные для устной разговорной, прерывистой от напряжения и волнения речи. К тому же, словом делу не поможешь:

*Не надоел?
Но я не засижусь.
Уже пора...*

[2, с. 153].

За внешней робостью и нерешительностью стоит глубокая внутренняя деликатность и нравственная высота, честность и чистота лирического героя. Несмотря на томительность и даже психологическую мучительность и безысходность ситуации произведению свойственно светлое духовное начало:

*Спасибо за молчанье.
Я непривычно много говорю?
Да вот устал, и годы за плечами...
Но разрешишь,
Я снова закурю?.*

[2, с. 153].

Лирика Шайхи Арсанукаева за внешней простотой и «камерностью» содержания пронизывает глубокое духовно-нравственное начало, обращенное к разным уровням и сферам человеческого существования. Ему присуще отражение остроты нравственных ситуаций, мотивов трудного психологического и нравственного выбора, образно говоря, передача состояния живого психологического нерва человеческих переживаний и чувств, пульсации реального времени. При этом лирическое и поэтическое выражение мироощущения поэта в его стихах происходит в гармоническом балансе национального и общечеловеческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсанукаев Ш. А. Вершины. Стихи. Перевод с чеченского И. Озеровой. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. 88 с
2. Арсанукаев Ш. А. Преодоление. Стихи и поэмы. Перевод с чеченского. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. 208 с.
3. Арсанукаев Ш. А. Роща любви. Стихотворения и поэмы. Перевод с чеченского. М.: Советская Россия, 1988. 112 с.
4. Ахмадов М.М. О философии и эстетике М. Мамакаева //М.М. Ахмадов / Собр. соч. в 5-ти тт. Т. IV. Грозный: Дош, 2012. С. 382–383.
5. Джамбеков О.А Роль фольклора и традиционной народной культуры в художественной системе романа М. Мамакаева «Зелимхан» // О. А. Джамбеков. Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2016. 141 с.

© Хазуева Барият Абусупьяновна (baretk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чеченский государственный педагогический университет